

БЕЗДНА
НЕ ЗОВЁТ.
ОНА
УЖЕ ВНУТРИ.

ХРОНИКИ БЕЗДНЫ

СОБСТВЕННИКИ

ШАГНИ. ЕСЛИ ОСМЕЛИШЬСЯ.

МЕФИС ГАММ

ЧТО
НИКОГДА
НЕ БУДЕТ
РАССКАЗАНО
ПОЛНОСТЬЮ

18+

Мефис Гамм

Собственники

«Автор»

2026

Гамм М.

Собственники / М. Гамм — «Автор», 2026

Жизнь Кренна — не лёгкая прогулка по парку: алкоголь, адреналин, изоляция. Он работает стражем, его решения каждый день спасают людей, но его самого никто не может спасти. Один день ломает его привычную рутину: начиная с известий о гибели «героя» до странной экспедиции в Океан — ранее построенные стены рушатся. В конце концов он оказывается в ловушке, под Куполом, в мире, где за каждым углом таится опасность, где потаённые воспоминания и детские травмы вскрываются как гнойники. Что найдёт там Кренн? Или приобретёт? Или, возможно, — потеряет?

© Гамм М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Крушение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мефис Гамм Собственники

Глава 1. Крушение

«И если долго смотришь в бездну,
бездна начинает смотреть в тебя».
Нищие

Гавань горела фонарями, и на белоснежный однопалубный лайнер «Голубые облака» неспешно поднимались пассажиры. Круглые дамы в мехах и бусах из жемчугов под ручку своих высоких, элегантных кавалеров. Их сопровождал не только высококлассный экипаж, но и отряд стражей капитана Гибор. Седой мужчина в безупречном тёмно-синем пиджаке встречал гостей у руля.

Лайнер отчалил, и чёрное небо разорвали огненные залпы фейерверков. На палубе вспыхнули огни, заиграла громкая музыка, и начался настоящий карнавал. По радио звучали весёлые мелодии, даже матросы не остались в стороне. Шампанское лилось рекой, закуски подавались без остановки, а колонки источали энергичные ритмы.

Но вскоре первые волны начали биться о борт, и туристы почувствовали лишь лёгкую тряску, решив, что это просто усиление хода. Однако волны становились всё выше, достигая палубы, но веселящаяся толпа этого не замечала. Лишь один страж, скучая, рассказал Гибор о своих опасениях. Капитан, стараясь не создавать панику, скрылся в рубке.

И тут все замерли: лайнер начал медленно подниматься. К сожалению, это не было иллюзией — карму обвивали маслянистые щупальца, а на носу возвышались два гигантских глаза чудовища, словно мощные прожекторы, пронзающие темноту. Паника охватила пассажиров: люди разбегались, спасая самое ценное, не думая о других. Треск и лязг металла звучали, как зловещая симфония, пока чудовище разрывало лайнер пополам, как игрушечный кораблик.

Вода выплюнула его на поверхность, и с больнично-белого потолка с мигающим светом на его лицо падали звонкие капли. Эхо медленно растворялось, и Кренн открыл глаза.

Нависший над ним потолок уже другого, болотно-зелёного цвета вытянулся назад, словно широко распахнутая пасть чудовища. Липкий страх сковал его, и сердце забилось быстрее. Это не его комната, не его стены, не его запах. В воздухе витали запахи табака, алкоголя и чего-то сладкого, что он не мог вспомнить. Холод пробежал по спине: *он не дома и не знает, где*.

Кренн провёл руками по простыне, ощущая её мягкость и чуждость. Запястья заныли, будто их резали невидимые верёвки. В этот момент ему показалось, что кто-то стоит рядом, и он живо почувствовал, как чьи-то острые зубы впиваются в его шею. Лёгкие словно сдавило, а он забыл, как дышать.

С дальнего угла дивана донеслось лёгкое похрапывание. «Это он?» — мелькнула мысль. Кренн судорожно пытался вспомнить, что было вчерашним вечером, но мысли утекали, как вода сквозь пальцы. «А если он сделал что-то ужасное?» — та мысль пронзила его. Параллельно раздался шёпот: «Тихо, не дыши...»

Взгляд упал на кружку, пустую бутылку и фото на стене. Рядом с его лицом было другое лицо — светлое, улыбающееся. Тавир Никольский. Начальник. Друг. Он был рядом, и, кажется, ничего не случилось. Страх начал отпускать, хотя полностью не исчез. Кренн закрыл глаза, пытаясь успокоить себя, и прислушался к звукам: скрип дивана, стук о столик, шарканье босых ног, приглушённое дыхание.

- Ты в порядке? Я услышал шум... — раздался голос Тавира.

Кренн мотнул головой и, услышав скрип дивана рядом, сонно открыл глаза, медленно садясь. Тавир сидел на диване, расслабленно улыбаясь, его рука едва касалась спины Кренна.

- Надеюсь, вчерашнее не было лишним, — сказал Тавир. — Утро начинается с кофе, а у меня он закончился. Пойдём, я тебя угощу!

Слова не могли найтись, дыхание оставалось прерывистым. Эта крошечная искра помогла ему не погрузиться обратно в страх, но расслабиться полностью он пока не мог.

Тавир провёл Кренна через узкий переулок, и они вышли на оживлённую улицу, где под серой линзой неба гудели машины, звенел металл и слышался гул разговоров. Улица спиралью уходила в туман, погружаясь в его густую пелену.

На этом шумном фоне уютной гаванью спокойствия была любимая кофейня Тавира. Двери в цветочной арке всегда встречали их с теплотой, а внутри — светлый просторный зал с деревянной стойкой, где витал аромат свежесваренного кофе и звенел смех молодёжи. Кренн не понимал, что притягивало Тавира сюда. Возможно, ему нравилось ощущение жизни, движения, молодости, которой он сам давно был лишён.

Кренн переступил порог, привычно морщась от запаха свежей выпечки. Тавир сделал заказ, а Кренн отказался идти в зал, предпочтя остаться у стойки. За спиной осталась дверь, отражённая в зеркале кухонного фартука. Он не хотел смотреть на людей за столиками, на их лица, на их счастье или разговоры.

Кофе, как всегда, был идеальным — горячий, с лёгкой горчинкой, он грел руки и возвращал краски в утренний хаос. Но Кренн не взял кружку: он молча наблюдал за тем, как Тавир размешивает кофе. Рука в ложке двигалась по кругу. По кругу, по кругу. Словно детская ручка, рисующая мелом на полу под звуки карандаша. Кренн резко оттолкнул кружку:

- Не хочу.

Тавир ничего не сказал, только поставил кружку ближе.

- Ты ведь не жалеешь, да? — неожиданно спросил он, сверкнув глазами.

Кренн посмотрел на друга, который сиял под искусственным светом, ожидая ответа, как верный пёс (золотистый ретривер).

- Знаешь, Тавир, если я начну об этом думать, то, боюсь, всё это... начнёт казаться бессмысленным.

Тавир хмыкнул, но ничего не сказал. Он взял кружку и сделал глоток, будто подтверждая его слова.

Позже они молча бежали к Башне Команд — месту, где Тавир руководил стражами. Подчинённые в медных доспехах и шлемах с трещиной через глаз безоговорочно слушались молодого командира, доверяя его чувству справедливости и времени.

Район был самый нижний, до него редко доходил искусственный свет, словно основание, на котором держался весь город. Дома были выстроены вокруг Башни Команд бетонным забором, без окон — лишь щёлки, через которые лился щёлкающий звук. В каждом доме был подвал, но с каждым поколением стражи забывали его назначение и теряли ключи.

У дверей Кренн почувствовал лёгкое прикосновение и обернулся. Его сердце ёкнуло — перед ним стояла «мать». Мурашки холодным потоком побежали по всему телу.

- Иди, я догоню, — махнул Кренн, и Тавир скрылся за дверью.

Женщина смотрела на него бездонными глазами, словно моля о чём-то. Она была маленькой, худой и костлявой — Кренн не помнил её такой. С каждым её словом его горло сжималось, а капкан, нависший над ним, становился всё крепче. Он твёрдо сказал:

- Я не собираюсь возвращаться в то место, которое ты называешь «материнским» домом...

- Ты не можешь так поступить со мной! — низким голосом проговорила женщина. — Я столько для тебя сделала, стольким пожертвовала!

- Я не вернусь туда. Пожалуйста, уходи, у меня дела.

- Тот кулон при тебе? — прошептала она, резко схватив его за руку.

Её пальцы сжались с невероятной силой, пронзая боль до самой кости. Руку словно обвили иголки, и он не мог пошевелиться. Мёртвой хваткой пальцы давили сильнее с каждым отчаянным движением. Казалось, ещё немного — и кость сломается.

- Как это понимать: ты не пойдёшь на собрание Совета?! Немедленно объяснись, Фанди!

- Я хочу сам выбирать свой путь! — завопил в ответ мальчик.

В сумрачных покоях, где тени сплетались в причудливые узоры, а воздух был пропитан напряжением, как дым от древних костров, разгорался спор, достойный эпической поэмы. Мадам Морган, словно зловещая статуя, облачённая в безупречный шоколадный наряд, стояла перед мальчиком, чьи глаза горели, как угли в ночи. Её алые зрачки, обычно сверкающие, как закатное солнце, теперь побелели, словно снег на вершине горы Тейран.

Она схватила его за руку с силой, способной вырвать душу, и потянула к себе, возвышаясь над ним, как тёмный филин над птенцом. Но её стан дрожал, как осенний лист на ветру, а бледные щёки пылали алым румянцем, словно кровь, просачивающаяся сквозь трещины в камне.

Её голос эхом разнёсся по комнате, как крик ворона в предрассветной тишине. Фанди застонал, как раненый зверь, и бросил отчаянный взгляд на другую девушку, стоящую рядом.

- Ларэлия! Как ты воспитываешь сыновей? — продолжала неистовствовать мадам Морган.

Ларэлия, её лицо было подобно маске, скрывающей бурю эмоций. Она смотрела на сына, надеясь увидеть в его глазах гордость и решимость, но видела лишь пустоту. Горечь разлилась в её горле, как яд, а тень отчаяния легла на её лицо, словно чёрная собака, готовая наброситься в любой момент.

- Беилиз, достаточно. Пускай так, — прошептала она, её голос был тих, как шёпот ветра. — Я не собираюсь тебя уговаривать. Иди к брату в сад.

Ларэлия даже не посмотрела на сына, её рука, словно щит, накрыла руку Белиз. Если бы не её вмешательство, то мадам, ослеплённая яростью, сломала бы мальчику руку, как хрупкую ветку. Фанди, сдерживая слёзы, покинул комнату, словно тень, растворяющаяся в ночи.

Сизые облака, как тяжёлые крылья воронов, нависали над землёй, готовясь пролить дождь, словно слёзы небес, в них пробился единственный луч света. Он пронзил плотную завесу и осветил поместье мадам Морган — изящное строение, украшенное молочными аппликациями, словно торт, украшенный сахарной глазурью. Вокруг поместья, подобно тонкой нити, обвивался забор с острыми пиками, как когти хищника. Внутри этого оазиса, где каждый цветок и каждый листок пели свою песню, раскинулся огромный сад, за которым с неустанной заботой следила сама хозяйка. Но даже этот райский уголок был омрачён чёрной пристройкой, где жил Фанди со своими родителями. Этот мрачный дом прятался за густым кустом с шипастыми цветами, словно скрывая свою тайну от посторонних глаз.

Фанди, потирая больное место, словно пытаясь унять душевную боль, вышел в сад. Гаан, его младший брат, сидел на корточках и палкой проводил по земле, как будто искал следы прошлого. Между братьями повисло неловкое молчание, тяжёлое, как грозовая туча. Фанди сразу почувствовал, что брат подслушивал его разговор с женщинами и теперь делал вид, что его претензии не касаются Гаана.

- Мне всё равно, что ты там думаешь, — пробормотал Гаан, продолжая копать землю.

Фанди подошёл к брату и взглянул на него. Его глаза были красными.

- Ты всегда так строен и беззаботен, когда отстаешь свои мысли перед ней... — начал Фанди.

Гаан резко вскочил на ноги и толкнул брата.

- Ты думаешь, что если сегодня ты сказал тётушке «нет» ... Это что-то меняет?

Фанди опешил и хотел возразить, но брат продолжал нападать:

- Твоё высокомерие. Твоё молчание... Что ты мне сказал в школе? Почему не заступился, когда она на меня кричала? Почему ты позволяешь ей так с нами поступать? А сегодня — «папа прав», «мы сами можем выбирать свой путь» ... Ты считаешь это зрелым поступком?

Гаан толкал брата, пока тот ударился о старый деревянный садовый шкаф. Шкаф развалился, обнажая потаённый ящик, который упал, рассыпав своё содержимое. Рисунки, письма, листки дневника — всё это разлетелось по земле. Гаан замер, затем неуверенно поднял один из листков. На нём аккуратным почерком было написано: *«Хочешь, я построю тебе корабль из кристаллов?» «Мама говорит, ты как река. Я думаю, ты как нож»*. Сердце Гаана сжалось.

- Тебе не нужно было их видеть, — тихо сказал Фанди.

- Я не просил, чтобы ты за мной гонялся, — огрызнулся Гаан. — Мне хватает её, чтобы чувствовать себя виноватым!

- Это не о тебе было, — спокойно ответил Фанди. — Это... всё, что я не мог тебе сказать. Потому что ты был там. А я — здесь.

- И что, теперь мы должны «понять» друг друга? Построить мост из чёртовых сказок?!

- Я не хочу мост. Я просто хочу, чтобы ты знал — я скучал. Даже если я был... правильным. А ты — живым.

Фанди подобрал все листки и протянул брату ещё одно «письмо», написанное наспех на жёлтой бумаге. На лице Гаан навернулись слёзы, когда он прочитал: «Когда я болел, я представлял, что ты сидишь рядом. Даже если ты бы только молчал. Мне этого хватило бы».

- Я не умею быть таким... как ты, — прошептал Гаан, шмыгая носом. — Я срываюсь, я теряюсь.

- А я не умею быть, как ты. — ответил Фанди. — Я всё просчитываю. Всё прячу. Но... я всё равно твой брат.

Они обнялись, как два воина, которые наконец-то нашли общий язык.

- Ладно, только никому не говори, что я чуть не заплакал, — прошептал Гаан.

- Считай это нашим контрактом, — слабо улыбнулся Фанди.

Братья, словно два древних воина, сражались за свои секреты. Фанди, с решимостью, подобной огню, пытался вернуть свои заветные дневники и рисунки, запертые в старом ящике, но Гаан, как тень, неуловимо и коварно, преграждал ему путь, словно ветры, разрушающие хрупкие надежды. В конце концов, Фанди, обессиленный, словно увядший цветок, сдался, и они, подобно двум путникам, изгнанным из родного дома, устроились на старой лавке под раскидистым, мрачным кустом, что стоял у порога их разрушенного жилища.

Когда Гаан завершил своё мрачное исследование посланий брата, он, как жрец, бережно сложил все листки в ящик и, словно приношение, оставил его у ног Фанди. Тот, погружённый в книгу об элементарной магии, что скоро станет его путеводной звездой, не сразу заметил, что брат нарушил тишину.

- Когда ты был маленьким, она тебя обнимала? — внезапно спросил Гаан, его голос был тих, но в нём таилась буря.

Фанди, оторвав взгляд от страниц, где магия оживала, задумался.

- Не помню. Может, один раз. Когда я упал с лестницы и поранил плечо, — ответил он, закрывая книгу. — Почему ты об этом спрашиваешь?

- А потом? — Гаан проигнорировал его вопрос, как будто тот был лишь каплей в море его сомнений.

- Потом она сказала мне: «Ты сильный. Ты справишься». Обычно отец за нами присматривал, ты же знаешь... — Фанди замолчал, его голос дрогнул, как лист на ветру.

- Она мне ни разу не сказала, что гордится мной. Постоянно отчитывала и исправляла! А тётушка Эри и дядя Кадьренн всегда хвалят меня и подбадривают. Они даже обещали обучить огненному свистку! — Гаан, словно в отчаянии, всплеснул руками.

- Это называется балование, — Фанди ответил с язвительностью, его голос был холоден, как лёд.

- И что? — Гаан гневно посмотрел на брата, его глаза сверкали, как молнии.

- Смотри, за время, которое я провёл с ней, я понял одно. Отец — орлеанну, их любовь — в близости, в связях. А она любит как будто через стекло. Когда вода, она ласкова и приветлива, когда тьма — отстранена... — Фанди говорил тихо, но его слова звучали как пророчество.

- Я знаю, что папа — орлеанну... Но она и дедушка Феин не опси... Опситетати... — Гаан запнулся, пытаясь подобрать слова.

- Опсиотади. Как тётушка Беилиз, — Фанди продолжил, его голос был полон презрения.

- Да! Откуда в ней столько холодности? Иногда мне кажется, что я — не её сын, а отражение того, чего она боится... Боится, если подойдёт ближе — сломается. Или я — ломаюсь... — Гаан замолчал, его голос утонул в тишине, как камень в болоте.

Фанди не решался нарушить эту мрачную тишину. Смеркалось, и над ними, как вестник грядущих бед, пролетела одинокая птица. Её прикосновение к барьеру, что окружал особняк, вызвало зловещий шип, и свет начал меркнуть, как свеча на ветру. Пространство внутри темнело, словно внутри керосиновой лампы, поглощая последние лучи заходящего солнца.

На горизонте появилась фигура, словно сама тьма, неподвижная, наблюдающая за мальчиками. Сцена, развернувшаяся перед ней, была полна смеха и веселья: Фанди то слегка касался лба брата, то похлопывал его по спине, вызывая слабую реакцию Гаана, который покачивался на лавке. Незнакомец следил за их движениями, словно зачарованный, его дыхание участилось, изо рта вырвался фиолетовый дым, напоминая дыхание самой смерти. Детские игры пробуждали в нем забытые воспоминания, от которых он хотел избавиться, как от призраков прошлого.

Тёмные желания овладевали им, он представлял, как разобьёт хрупкий барьер, пересечёт сад, и схватит мальчиков. Его руки не были нужны — тёмно-фиолетовые щупальца оплели бы их, и они, морщась, слушали бы его грязные, непристойные слова, которые разрушили бы их детский разум. Жаркая волна возбуждения пробежала по его телу, предвещая скорую развязку.

Вдруг за спиной мальчиков мелькнуло что-то белое — это была Ларэлия. Её глаза цвета вечнозелёного луга отражали игры её детства, но в её движениях уже не было прежней прыти и лёгкости. Это была уставшая девушка, взвалившая на свои плечи непосильную ношу. Она тихо подошла к мальчикам, подняла глаза и вскрикнула — их взгляды встретились. Её дрожь усилилась, она прикрыла рот рукой — и он тоже вспомнил. Зачем он прибыл сюда.

Мадам Морган стремительно выбежала в сад и увела Ларэлию в дом. Мальчики последовали за ней. Незнакомец растворился в сгущающейся тьме, как призрак, исчезнувший с первыми лучами рассвета.

Мальчики окружили мать, неуверенно касаясь её, пока она закрывала лицо руками и нервно проводила рукой по дивану в поисках одеяла. Лёгкий ветерок, казалось, касался её, вызывая дрожь. Беилиз вернулась с девушкой-прислугой Меаранн, которая быстро приготовила ромашковый чай для бедняжки и отодвинула Фанди, стоящего ближе к ней, чтобы она могла дышать свободнее. Гаан сел рядом с матерью и поймал поднос с чашкой, ловко протянутый Меаранн.

- Тебе нужно отдохнуть, Ларэлия, — сказала Беилиз, её слова звучали как приказ. — Сегодняшнюю ночь мальчики проведут у Меаранн. Няня отведёт их в школу, а ты приведёшь свои мысли в порядок. Завтрашней подготовкой займусь я...

Слова Беилиз звучали как приговор, не подлежащий обсуждению. Мальчики переглянулись: никто не смел перечить мадам Морган, её слова были законом. Поэтому, быстро собравшись, Меаранн взяла мальчиков за руки и стремительно повела их через город, в направлении своего дома в отдалённом районе, как будто уводила их в царство теней и легенд.

Кренн стремительно бежал по каменному коридору, его шаги гулко разносились по пустому пространству. Он направлялся к красной двери, которая сливалась с красными стенами. У входа он заметил Тавира, который напряжённо всматривался в ярко освещённую залу собраний. Кренн не успел окликнуть друга, как тот обернулся с ясной улыбкой, хотя в глазах всё ещё читалась тревога.

- У нас проблемы? — тихо спросил Кренн.

- Никаких проблем, — ответил Тавир. — Просто найди Руву... Я тебе вчера о ней рассказывал. Она могла потеряться. Помнишь, как ты долго учился ориентироваться в этих коридорах?

- Где её искать? — Кренн постарался не вспоминать прошлое.

- У противоположного входа, — сказал Тавир. — Закрытый вход к казармам.

Кренн открыл тяжёлую дверь и увидел девушку, стоящую на лестнице. В стражи редко встречались женщины — это была опасная и ответственная работа. Если бы не указание Тавира, Кренн принял бы её за мальчишку: короткие чёрные волосы, худощавое тело в чёрном балахоне, но большие карие глаза и миловидные черты лица выдавали в ней девушку.

- Рува? Я Кренн, — сказал он, пропуская её. Она окинула его холодным взглядом, фыркнула и вошла, нарочно толкнув.

Они молча шли по полутёмному коридору, пока Рува внезапно не остановилась и не дернула его за рукав.

- Это испытание какое-то? Тавир тебя прислал?

Кренн не ответил. Мысли путались, усталость накрывала с головой.

- Это из-за светлейшего праздника? — продолжила она, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Он не мог вспомнить, что делал и говорил вчера вечером. Память была как плотный туман, где ничего не разобрать.

- Тавир прав, ты странный, — заметила Рува. — Но он считает тебя другом. Думаю, мне стоит ему доверять.

У красных стен их встретил Струтс. Кренн поморщился — этот тип был известен своей жадностью и скверной репутацией. Под его руководством отряды часто не возвращались, а если и возвращались, то в лучшем случае наполовину.

- Кренн, — Струтс кивнул, заметив их с Рувой. — Само собой, без тебя ни одна миссия не начнётся — и уж точно не закончится удачно.

Кренн проигнорировал его подколки, лишь встал рядом, держа Руву за плечом. Девушка с любопытством разглядывала Струтса: седые виски, небрежная щетина — такой тип явно не стеснялся пропустить пару стаканчиков. Но, несмотря на сомнительные методы, Струтс умудрился заработать себе имя среди нынешних Когерентов.

- Что за соплячка?! — воскликнул Струтс, заметив пристальный взгляд Рувы и едва заметно покраснев. — Когда Тавир превратил Орден в детский сад?

- Эй! — возмутилась Рува, готовая врезать ему за такие слова. Но не успела — Кренн молча развернулся и хлестко ударил Струтса по плечу.

Тот не остался в долгу: схватил Кренна за воротник и занёс кулак, но их прервал кто-то позади. Высокий юноша, выше даже Тавира, с яркими рыжими волосами, в куртке цвета хаки с повязкой на рукаве, на которой был прикреплён медный узел.

- Не стоит драться в такое прекрасное утро!

Кренн, вздрогнув, обернулся: Мироткач! Что же задумал Тавир?

- Я видела этого человека раз, — прошептала Рува, — он Мироткач. И довольно популярный. Было бы лучше, если бы он занимался лишь дорогами, а не лез в общественные связи...

Рува говорила не так тихо, но рыжий Мироткач лишь улыбнулся, глядя на них. Кренн нахмурился: пока Рува была рядом, он незаметно увидел её кулончик в виде глаза — она ведь тоже из другой гильдии, Архивари. И тут его накрыло осознание: если Тавир пригласил по одному представителю от каждого круга, это означало только одно — случилось что-то серьёзное.

И Тавир не заставил себя долго ждать. Когда перепалка между Струтсом и Кренном чуть утихла, командир подошёл к ним и пригласил зайти в залу собраний.

Все расселись за огромным круглым столом, разделённым на сектора. Рува и Кренн оказались напротив Струста и рыжего. Кренн сразу заметил ещё одного участника — мужчину в белой маске, скрывающей половину лица, с пронзительными васильковыми глазами. Это явно был Серебряные Руки, тот самый загадочный доктор. Он сел рядом с рыжим.

- Прежде чем начать, давайте познакомимся, — начал Тавир.

Он представлял каждого: Элест «Каменный доктор» — доктор с необычным прозвищем; Данир — миротворец, многообещающий член общества; Струтс — скряга, который пошёл на повышение, недавно перешедший в Когеренты; Кренн — холодный и отстранённый; и Рува — «моя любезная родственница из Архивари».

- Не хватает структурщиков, но эта миссия разведывательная. Их присутствие только усложнило бы задачу, — с усмешкой сказал Тавир. — Теперь к делу. Это мало кто знает, и Когеренты настаивали на секретности. Мне трудно в это поверить, но Сана Вер, моя коллега, подтвердит... И Струтс тоже... Капитан Гибор погиб.

Эти слова разорвали тишину, как воздушный шарик. Лицо Кренна исказилось от шока.

- Я не верю.

- Прости, друг, все доказательства здесь, — ответил Тавир, доставая папки. Он раздал их всем присутствующим.

С каждым листом, с каждым словом атмосфера становилась мрачнее. Даже Данир потемнел, как небо перед грозой. Кренн не стал открывать папку — он уже знал.

Это чувство с ним было всегда: он словно в стеклянной вазе, через её прозрачные стены видно внешний мир, но внутри — лишь зияющая пустота. Сердце пронзил ржавый гвоздь, лёгкие опустили в газированную воду, а разум накрыла свинцовая крышка.

Гибор был для него героем. Его улыбающееся лицо с плаката всегда напоминало Кренну о том дне, когда он решил вступить в Орден Порядка. Гибор указал ему вниз, в низкий круг, где царил туман и страх. Хотя он и так знал, что это его путь, именно Гибор стал тем знаком, который всё решил.

Кренн без зазрения совести бросил всё: мать, братьев и сестёр, и вступил в Орден. Он получил лишь маленький угол в бетонной коробке, но был рад. Это стало его островком безопасности в море тревог и паники. До этого утра.

Тавир взял слово:

- Я знаю, о чём вы сейчас думаете, но давайте я сначала расскажу всё, что передала Сана Вер, а вы потом зададите вопросы. Во-первых, почему Струст возглавит миссию? Именно его агент принес эту весть... Бедняга, даже не представляю, что с ним теперь делают структурщики.

Рува нахмурилась:

- Но ведь магия запрещена!

Тавир усмехнулся:

- Вот именно — магия и помогает. Ты же видела, как быстро разлетаются слухи по городу. Даже не все когеренты в курсе. Только Сана Вер и её команда...

Струст мрачно кивнул.

- Во-вторых, это всего лишь разведывательная миссия. Лайнер исчез сразу после отплытия. Ваша задача — выяснить, что произошло, была ли задействована магия и как безопасно вернуть корабль и людей, если они ещё живы...

Тавир нервно потёр подбородок, стараясь скрыть дрожь.

- И последнее... Они хотят, чтобы лучшие из лучших справились с этим. Поэтому я собрал именно вас.

Данир не удержался:

- Но, Тавир, ты же тоже один из лучших. Почему не ты?

Тавир резко посмотрел на него:

- Неужели я должен это объяснять? Мы на пороге святейшего праздника... И? Есть ещё вопросы?

Все молчали, словно проглотили язык.

- Отлично. У вас остаток дня на сборы. Завтра на рассвете встречаемся у дома Струтса на западном побережье.

Мужчины начали выходить из зала, когда Тавир подозвал Руву, и они отошли в сторону.

- Рува, следи за Кренном. Он потенциал... Если что-то пойдет не так, он вытащит вас, — тихо сказал Тавир, когда зал опустел.

- Ты хочешь его продвигать?

- Да, в капитаны. Я видел его бесстрашие и упорство. С ним наша жизнь изменится. И ещё: несмотря на то, что миссию официально возглавил Струтс, постарайся, чтобы остальные видели в Кренне лидера.

Тавир подошел к Кренну в пустой зале. Он мягко коснулся его плеча, но Кренн поднял глаза, как будто видел его впервые.

- Что с тобой? — спросил Тавир.

- Ничего, — Кренн сжал пальцы. — Ты мог бы сказать это и в кофейне...

- Не мог. Я встретил Сану только здесь и получил четкие указания. Я многое могу, но у меня есть ограничения. Это большая утрата. Я понимаю тебя, друг...

Тавир говорил, а Кренн смотрел на стену, где краска вздулась, как будто горела.

- Ты будешь рядом? — тихо спросил Кренн, словно ребенок, которого одного отправляют в опасное путешествие.

- Нет.

- Почему?

- Струтс — главный...

- Почему не ты? Почему не я?

- Прости, — Тавир мял папку. — Да, Струтс неприятный человек, но он профессионал. Мне нужно, чтобы ты был там. Я доверяю только тебе... Вот, обязательно изучи это.

Кренн с шумом вернулся в свой угол. Здесь он чувствовал себя как дома: неровности стен, подтеки от соседей, пятна от разбитых бутылок. Последние были повсюду — на полу, столе, в раковине, кровати. Кренн включил свет и рухнул на кровать, осматривая своих друзей. Они сверкали, приветствовали его без осуждения и смеялись, наконец-то дождавшись его.

Сверкающие огоньки в глазах орлеанну, радостные вскрики, смех и мыльные пузыри, разрывавшиеся в воздухе, словно звёзды, упавшие с небес, встречали Фанди, когда он вернулся в родной город.

Город Гилранд, обитель орлеанну, горного народа, в жилах которых текла лава и раскалённый металл, был вырезан в самом теле горы-близнеца Гилрам. На его площадях бурлила жизнь.

Мадам Морган вела мальчика по узким улочкам, где дома, словно зубы дракона, вгрызались в скалы. Их путь лежал к храму Пламени, где в самом сердце горы пылала раскалённая магма, алтарь, перед которым преклонялись орлеанну. Но Фанди не спешил к храму. Его сердце тянуло к трактиру, где кипела жизнь, где музыка лилась рекой, а смех разносился по всему городу.

В трактире его встретила толпа: гости и хозяева, все они радовались видеть Фанди, но среди них выделялся его отец, Ваэринн. Одетый в простую одежду — светлую рубаху из грубой ткани и бледно-голубые штаны, — он сделал шаг вперёд и обнял сына. Его руки, некогда закалённые в кузнечном деле, теперь были грубы и неотёсаны, но в них всё ещё жило тепло.

- Ларэлия «опять» занята? — спросил Ваэринн у мадам Морган.

- У нас соглашение, Ваэринн, — ответила она, её голос звучал холодно, как ветер в горах. — Достаточно и того, что здесь Фанди для вашего «важного» праздника.

- Но у Калэна особенная дата. Разве день рождения сына не важное дело для неё?

- Я так и сказала: этого и достаточно...

Фанди, оставив спор отца и мадам Морган, присоединился к веселью. Он кружился в танце, от одной девушки к другой, смеялся, гримасничал, дарил воздушные поцелуи и улыбки. В центре праздника он встретил младшего брата.

- Гаан, ты рад меня видеть? — спросил Фанди, отдышавшись.

Мальчик громко рассмеялся в ответ. Они вместе веселились, играли с музыкантами, лакомились воздушной ватой, которая таяла на языке, как дым поутру. Когда их силы иссякли, они подбежали к деревянной стойке, где их уже поджидал хозяин трактира, крупный рыжебородый мужчина по имени Кадьринн.

- А вот и наш Эфа'Ниил! — радостно воскликнул он. — Ты скучал по брату, Гаар'Калэн?

- Вы опять за своё, дядюшка Кадьринн, — буркнул Фанди, освобождаясь из объятий. — Я просил называть меня Фанди.

- Хорошо, хорошо, — ответил Кадьринн. — О! Самое время!

Он громко хлопнул в ладоши, и два работника осторожно внесли огромный трёхъярусный торт, украшенный цветами из розовой глазури. Торт сиял, как звезда на ночном небе.

— Ух ты! — в один голос крикнули мальчики.

Гаан обнял брата, Фанди скромно потрепал его по голове, но потом радостно взял за руку, подзывая к тарту. В этот момент мир казался полным света, тепла и радости, несмотря на все тяготы и печали, которые могли поджидать орлеанну в их суровом краю.

Поздно вечером, когда он уложил мальчиков спать, Ваэринн вышел на балкон и всматривался вдаль. На чистом небе светил огромный диск Иллион. Ветер принёс последние тёплые Потоки, знаменуя переход на новый период. Перед его взором открывалась гора-близнец, где в снежных вершинах шелестели крыльями их собратья.

Вдруг позади затопали маленькие ножки. Ваэринн улыбнулся: вот он обернётся и перед ним предстанут мальчики, совсем крохи, Фанди в тёмно-фиолетовом костюмчике — гордо выпячивая грудь, и Калэн в тёмно-зелёном — теребя бант. Их костюмы нарядны, но выглядят смешно. «Как маленькие господа», — подумал он с грустной усмешкой.

- Чего раскис, братец? — прервал его мысли хриплый голос Кадьринна.

Ткань воспоминаний разорвалась, словно конфетти, осыпая реальность. Ваэринн лениво повернулся на голос: брат подошёл к нему с двумя кружками с густым чаем. Исходил пряный запах, щекоча ноздри и прочищая разум.

- Чего ты так накинудся на эль? — пытливо спросил Кадьринн, передавая кружку. Ваэринн принял чай. — Это на тебя не похоже. Праздник так хорошо прошёл...

- Было бы лучше, если собиралась бы вся «семья» ... — буркнул Ваэринн, отпив из кружки.

- Это всё из-за того самого «соглашения»? Я помню, как ты вернулся с малышом Гаар'Калэном на руках...

- А должен был и с «малышом» Фанди тоже! Она ушла обратно в Совет через две недели после рождения Калэна. Всё повторилось: я качал его по ночам, купал по утрам, кормил, убаюкивал... Всё то, что было и с Фанди — бутылка, слизь, крик...

- Ты мне такого не говорил...

- А зачем? Беилиз смотрела на неё с гордостью. Феин хвалил её за «непоколебимость духа». Я думал — она вернётся. Я думал, это просто гнев. Или страх. Или... усталость. Но она не вернулась, Кадьринн. Не тогда. Не потом. Даже когда Фанди стало плохо от перегрузки в учёбе. Даже когда Калэн поранился, изучая огонь...

- Она избегала тебя? Я думал, ты решил этот вопрос.

- Её никак не поймать... А теперь они старше. Фанди почти не смотрит мне в глаза, потому что думает, что я — просто мастер. А Калэн всё ещё ждёт, что она его заберёт. Каждый день. Не говорит, но я вижу.

- Ты любишь её? — осторожно спросил брат.

- Любовь — это когда ты чувствуешь себя живым рядом с кем-то. А я чувствовал себя живым, пока нёс детей на руках, пока читал им про Древние Речи. С ней... я всё чаще чувствую себя — как тень в её черновиках.

Он допил чай.

- Знаешь, что самое страшное, Кадьринн? Я боюсь, что однажды Калэн скажет: «Ты ведь знал, папа. Почему ты молчал?» А я не смогу ответить.

Распахнув резко двери, мадам Морган вихрем ворвалась в комнату. Там, под ласковым светом и в окружении многочисленных букетов из лекарственных трав на кровати расположился Гаан. Мальчик уже не был зелёный, как накануне, но лицо сохраняло бледность, и он вяло играл с игрушками, мягкими и деревянными, раскиданными вокруг него. На краешке кровати сидел его отец в одном лишь бархатном халате.

Ваэринн окинул гостью усталым взглядом: ослепительный костюм, как всегда, подчёркивал её властность и надменность; но также он предвещал, что время, отведённое для совместного провозждения с детьми, неумолимо заканчивалось.

Вслед за мадам в комнату вошёл Фанди, и подозрения Ваэринна подтвердились: мальчик был одет в лёгкую куртку с эмблемой прихрамовой школы, а в руках держал тяжёлый фолиант по основам элементарной магии. Ваэринн ласково улыбнулся сыну, но Фанди лишь отвернулся.

Беилиз быстро подошла к кровати и, схватив Ваэринна за запястье, потянула на себя. Ваэринн старался не подавать виду, но сопротивляться ей не мог. Издав слабый стон, он упёрся о кровать и гневно на неё посмотрел.

- Пойдём! Ты должен мне объясниться! — грозно проговорила Беилиз.

Ваэринн обошёл кровать и приобнял Фанди.

- Посиди пока с Калэном, — ласково проговорил он, и затем взрослые скрылись за дверью.

Фанди медленно подошёл к кровати и плюхнулся на край. Ядрёный запах трав окутал его, щекоча ноздри, поэтому мальчик передвинулся к середине кровати.

- Мама расстроится... — себе под нос прошептал он.

- Она всегда недовольна, — хрипло ответил Гаан.

- Ты сам это придумал?

Финди не смотрел на брата, лишь плавно гладил страницы.

- Да! — Гаан пнул бугорок одеяла между ними. — Всё что угодно, лишь бы не видеть и не слышать её упрёки!

Фанди продолжал смотреть в книгу.

- Дурак ты! — Гаан теперь устроился на подушках у изголовья кровати и, тяжело выдохнув, скрестил руки на груди. — Сам подумай: валяться здесь и постоянно ощущать, как кишки постоянно переворачиваются... или её вечный гнёт недовольства...

- Но без основ ты мало что сможешь сделать... — Фанди боком повернулся, положив книгу. — Если ты боишься остаться один в школе... я буду рядом...

- Не правда, дядя Кадьринн немного обучил меня огненной магии! Смотри!

Гаан подскочил к брату. Фанди вопросительно посмотрел на него: тот вытянул указательный палец вперёд и, немного покружив его, напряг его. Из кончика повалил чёрный дым, но маленькая вспышка хлопнула и быстро потухла.

- Без знания основ ты даже маленькую вспышку огня не сделаешь, — спокойно проговорил Фанди.

Гаан надул щёки, но неожиданный грохот за дверью прервал их перепалку: мальчики одновременно вздрогнули, потянулись друг к другу и прижились, неотрывно глядя на дверь.

- Ты специально это подстроил? — тихо проговорила Беилиз, когда закрыла за собой дверь. Женщина сложила руки по бокам, грозно нависая над мужчиной.

- Это случайность. — ответил Ваэринн, стараясь не смотреть ей в глаза. — Вам не кажется, что вы преувеличиваете? Всё нормально. У него хороший иммунитет. Он справится.

- Иммунитет? И это твои оправдания? Ты ломаешь мои планы! Уже завтра Цветение... Как Ларэлия терпела твои выкрутасы...?

- Ничего страшно, если Калэн чуть позже пойдёт в школу...

- Тебе наплевать на судьбы собственных детей? Ты думаешь, что ваши так называемые «древние речи» способны раскрыть потенциал мальчиков и научить их чему-то?

- Прошу вас, не надо оскорблять наши традиции, Беилиз, — тихо и размеренно произнёс Ваэринн, сжимая кулаки.

- Ты и твоя семья многим обязаны Феину. Скажи спасибо, он настоял на равных голосах в Совете...

- Да мне насрать, что думает Феин Сарки! Я сам решу, что важно для моих детей!

Беилиз резко ударила Ваэриина по щеке.

- Не наглей мне тут! Мальчики мне тоже не безразличны. Они — будущее нашей земли. И твоей тоже. Никогда об этом не забывай.

- Спасибо вам, дражайшая тётушка, за ваши заботы обо мне и моих детях, — потирая щеку, сквозь зубы процедил Ваэринн. — Но вам не кажется, что вы перегибаете?

Но Беилиз его уже слушала, она приоткрыла дверь и посмотрела на испуганных детей.

- Мальчики, всё хорошо, — мягко обратилась мадам Морган, заметив их напряжённость. — Мы с вашим папой очень эмоционально обсудили наши взрослые дела. Не переживайте. Как выздоровеет Гаан, мы сразу же отправимся обратно в Морган.

Запах трав остался позади, уступив место сырости, как после дождя или на берегу моря. Звёзды мерцали, словно светлячки, указывая путь к белому свету.

Кренн вышел к бухте. На утёсе виднелся небольшой домик Струтса — простая лачуга для уединённых вечеров с бутылкой. Кренн обернулся: на горизонте уже пробивались первые лучи солнца, освещающая чистое небо. Он не помнил, как прошёл через пещеру слёз, ведь можно было спуститься по деревянной лестнице с холма.

Все уже собрались и готовились. Кренн подошёл к каменному берегу, где покачивалось «устройство» — тёмно-синий шар из закалённого стекла, который станет их передвижным средством. Он видел такие только на чертежах, но без структурщиков им не обойтись.

На небольшой площадке между шаром и лестницей он заметил Руву, которая перекладывала вещи в сумки. Мужчины ей сказали, что многие вещи ей не нужны. Рядом стоял Элест в белом костюме, который явно не подходил для вылазки. Но самое удивительное — он был

без маски. Доктор оказался сверстником Кренна: мраморно-белое лицо, чёрные круги под глазами, аккуратно убранные в хвост вороньи волосы с косичкой. Перед собой Кренн увидел Данира, который закончил с провизией и широко улыбался. А у самого шара стоял Струтс с планшетом в руках и разговаривал с мальчишкой в графитовом комбинезоне — их будущим рулевым. Увидев Кренна, Струтс усмехнулся:

- Не мог отказаться от парочки напитков для храбрости, да, Кренн?

- А вы сами тоже хороши! От вас тоже не запах духов, — парировал Данир.

Но Рува прервала их: она подбежала к Кренну и протянула блестящий пузырёк, который дал ей Элест.

- Что это? — поморщился Кренн.

- Эликсир бодрости, — настойчиво сказала Рува, подсовывая пузырёк ему под нос.

- Хорошо, я понял, — отмахнулся Струтс. — Кренн, проверь все припасы, пора выдвигаться.

Тавир, обычно ответственный за организацию подобных экспедиций, в этот раз отсутствовал. Все знали, что он важный член команды, и недоумевали, почему его нет. Возможно, у него были свои причины, о которых никто не знал. Может быть, в этот раз его присутствие было невозможно из-за каких-то непредвиденных обстоятельств или важных дел.

Кренн огляделся и подумал, что отсутствие Тавира могло повлиять на распределение задач и подготовку к путешествию, но сейчас не время для раздумий о причинах его отсутствия. Пора выдвигаться, и от этого зависит успех их миссии.

В шарообразной подводной лодке не укачивало, что было удивительно. Мимо проплывали косяки рыб, шелестели водоросли, а лодка медленно погружалась на дно и двигалась к цели.

Мальчик-рулевой оказался опытным: за детским лицом скрывалась зрелость. Техника подчинялась ему, как живое существо, как потоки, контролируемые *соплетёнными*.

- Это просто точка в Океане, — проговорил Кренн, изучив данные в планшете.

- Работаем с тем, что есть, — ответил рулевой. — Лейтенант Атал, меня заверили, что вы — важное звено, несмотря на то, что я должен подчиняться приказам капитана Струтса.

Кренн смотрел в черноту за иллюминатором, пока остальные «притирались». Данир расспрашивал всех, но разговор не шёл. Рува отворачивалась и начала игнорировать; Элест отвечал сухо и без интереса; Струтс следил за движением из кресла помощника, его слова касались смерти «героя», так что все мрачнели. Он решил вернуться к вопросу позже.

Но Данир не унимался. Пододвинувшись ближе к Кренну, он слегка коснулся его колени. Кренн посмотрел на него пустым взглядом.

- Как вы познакомились? Ты и Тавир, — повторил Данир.

- Он просто подошёл с кружкой кофе, — ответил Кренн после паузы.

Данир улыбнулся, но у Кренна внутри всё сжалось.

- От такого, как Тавир Никольный, я другого и не ожидал, — проложил Данир. — О нём говорят только хорошее. Молодой капитан, а уже во главе самого важного круга! Вам там, внизу, не душно?

Кренн вспомнил, как Тавир к нему постепенно строил мостики, маленькие, настойчивые: кофе или пирожное в угощение, предложения куда-то сходить или расслабляющие шутки, неуклюжая попытка помочь, но всегда искренняя.

- Ты даже встречался с Гибор лично, — произнёс Данир.

Кренн замер, вырванный из воспоминаний, как штепсель из розетки.

- Что ты имеешь в виду?

- Как? Ты не помнишь? Это было в тот день, когда Когеренты впервые объявили о светлейшем празднике. Вы стояли в ряд, и Гибор каждому пожал руку... Просто удивительно, почему он задержался у тебя...

- Ах, да, ты прав... — Кренн отвернулся.

- Ещё бы! — вмешалась Рува. — Все запомнили тот день. И тебя. Как ты выронил огромную охапку цветов на Когернетов.

- Это случайно... Я хотел помянуть деда, — начал оправдываться Данир. — Он рассказывал мне о тех ужасных днях, когда происходили странные убийства и мистические собрания...

- Это уродливый шрам на лице города, — вступился Элест. — Если бы не инициативы Гибор, мы бы не восстановили баланс между нами и соплетёнными.

- Это было ужасно... — задумчиво проговорил Данил. — Быть оторванным от дома и не чувствовать потоки. Я бы сошёл с ума...

- Так и произошло, — продолжал Элест. — Один соплетённый возомнил себя справедливым мстителем и собрал общество отверженным, включая наших. От его рук пострадали невинные... и наследие Вейера. Сегодняшним миром мы обязаны Сане Вер и Гибору.

- Особенно Гибор! — добавил Данир.

- Конечно же, — снисходительно улыбнулся Элест.

Кренн не слушал разговор своих коллег, растворённый в черноте вод. Память, как чистый лист, рисовала мутными картинками его жизни. Лишь последние события, когда он вступил в Орден. Он стоял в серых стенах, занавешенных красными шторами, перед начальством. Жизнь обретала смысл только в служении, покрываясь рутинной. Замкнутое пространство с яркими флажками. Как Тавир.

- Привет, — улыбался он. Кренн хмурился:

- Могу я приступить к своим обязанностям?

С каждым днём его улыбка раздражала всё меньше, сливаясь с ритуалами. Жизнь двигалась вперёд, налаживались связи. Однажды его вызвали из Службы Структур. Задание: вывести «мутанта» из разрушенного дома за город, на закрытый полигон Структур.

Найти полуразрушенный дом в центре города, где Структуры следили за каждым метром, было сложно. Но Кренн шёл под дождём к странному зданию: скошенная крыша, облезлая фиолетовая краска, гниющие балки. Дом выделялся среди других, аккуратных, как грубая деревяшка на фоне квадратного панно.

Кренн неуверенно вошёл, каждый шаг скрипел половицами, поднимая пыль. Обстановке типичная: коридор с деревянными дверями, три на левой стороне, две на правой. Второй этаж — уродливый горб с винтовой лестницей. Оттуда доносилось странное мычание.

В центре комнаты, в кругу с полужнакомыми символами, Кренн увидел существо. С одной стороны — подросток, с другой — искажённое тело: непропорциональные мышцы, большая голова, руки разной длины, шрамы и красные подтёки на серо-пепельной коже. Существо взглянуло на него фиалковыми глазами, и Кренн похолодел.

Всё необходимое было у прохода: покрывало, цепи, наручники, шлем, шокер. Кренн осторожно сковал существо, покрыв его голову и тело. Шлем оставил. Операцию он выполнял ночью, но всё равно рисковал. Усадив пленника в тачку, он медленно двинулся к пустошам. Существо замычало и от сильного толчка слетело из тачки и неуклюже зашагало как обезьяна. Редкие структурщики, возвращавшиеся домой, безучастно смотрели на его движения. Кренн бросил тачку, схватил существо и скрылся в темных улочках.

Наконец, они вышли к пустошам. Полотенчатый забор высотой в рост двух человек. На стыке палок сидел «охранник» — молодой паренёк. Увидев Кренна, он ахнул и, обронив маленькую книжонку, скрылся за забором. Кренн хотел последовать за ним, но существо замерло как вкопанный. Но миссия важнее. Он толкнул его внутрь, сквозь узкое отверстие.

Внутри их ждала тишина, зависшая в каплях дождя. На земле росла трава по белым линиям, как нити транзисторов или ленты ведьминоного круга. У забора стояли небольшие лаборатории, укрытые тканью. Впереди висела квадратная палатка с ослепительным светом. К ним вышли трое структурщиков в белых комбинезонах, чёрных очках и резиновых перчатках. Один подошёл ближе:

- Мы в тебе не сомневались, — сказал он с улыбкой. За очками — серые глаза, сверлящие его.

Кренн молчал, крепко держа существо.

- Мы уладили казус, — продолжил структурщик. — Награда и транспорт ждут тебя. Спасибо за службу.

Существо забрали, Кренн ощутил дежавю. Чувство его парализовало, как маленькая змейка. Что ждёт его: пытки или превращение в свет?

- Ты свободен, — сказали ему и оставили под дождём.

После ему снились кошмары. Тёмный подвал, свечи, две деревянные стенки с кандалами. Сквозь тьму слышались слова о предательстве и ритуале. Навязчивые образы преследовали и днём: искаженные лица, ломанные движения, словно его кривые отражения сбежали и всюду его ловили.

Казалось, с каждым лучом, прилетевшим в нижний круг, «двойники» множились; и теперь чуть ли не каждый второй агент мерещился до боли с знакомыми лицами и движениями. Тогда, обеспокоенный, Тавир поймал Кренна и спросил за чашечкой кофе:

- Кренн, я знаю, ты что-то скрываешь. Но мы теперь команда, так что будь добр не сбегать, ладно?

- Я не сбегаяю. Просто это не твоё дело, — буркнул Кренн, отворачиваясь.

От запаха кофе он тошнило. Он уже несколько дней и ночей не мог понять, почему его тело так реагирует.

- Если касается тебя, то касается и меня. И не вздумай говорить, что я не прав.

Тот вечер продолжился у Тавира в квартире, и горечь кофе превратилась в горечь настоек и крепость алкоголя. Друзья делились планами, надеждами и страхами. Тавир рассказал, что нашёл прекрасную сборную батарею для парада в святейший праздник, что хотел бы утереть нос Сане Вер, как глава безопасности, но его удручает страшная тайна. Алкоголь развязал ему язык, и он поведал, что вернулся лишь один агент из команды Гибор, со странными ранами и искаженным рассудком; структурщики его обработали для получения информации, и Сана Вер делает всё, чтобы он решил этот вопрос в срочном порядке...

А Кренн поделился со своими переживаниями о своей «матери», о том, что братья и сёстры странно на него смотрят, словно он совершил страшный грех, о том, что странные видения повторяются со странной периодичностью. Его даже не задели шутки и невинные советы друга, алкоголь сделал его податливее и мягче; он даже пообещал поговорить с родней...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.